

Трибуна молодого ученого

УДК 340.12

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ

© С. Н. Касаткин

© С. В. Ильина

Касаткин Сергей Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент

профессор кафедры
теории и истории государ-
ства и права

Самарский юридический
институт ФСИН России

e-mail: kasatka_s@bk.ru

Ильина Софья Владимировна

студентка факультета
внебюджетной подготовки

Самарский юридический
институт ФСИН России

В работе вводится идея интерпретативных юридических презумпций, обсуждается их понимание, особенности, значение, а также проблемы их закрепления в современном российском праве. Под интерпретативной юридической презумпции в широком смысле предлагается понимать любое юридическое предположение, используемое в правовом толковании, в узком смысле — юридическое предположение, касающееся процесса правового толкования как такового. В работе подчеркивается специфика интерпретативной презумпции (в узком смысле): по сравнению с традиционными юридическими предположениями, она является суждением о норме (а не о факте) и не носит вероятностного характера. Итогом работы является вывод о значимости формализации интерпретативных презумпций для более эффективного решения проблемных вопросов правового регулирования и правоприменения.

Ключевые слова: юридическое предположение, юридическая презумпция, интерпретативная презумпция, толкование права, юридическая доктрина.

Предмет данной работы — интерпретативные юридические презумпции. Целями работы являются, во-первых, определение понятия интерпретативной презумпции; во-вторых, соотнесение интерпретативных презумпций с традиционным пониманием юридической презумпции в теории права; в-третьих, указание на некоторые проблемы формализации и применения интерпретативных юридических презумпций в современном российском праве.

Рассмотренная в работе тема является сравнительно неисследованной в отечественной юри-

спруденции и во многом поисковой, что обуславливает скорее промежуточный характер предлагаемых выводов.

1. Чем обусловлена актуальность обращения к тематике интерпретативных презумпций? Очевидно, что в основе применения права лежит определенное понимание действующих правовых норм, их надлежащее толкование. В свою очередь толкование права как деятельность по уяснению и разъяснению смысла и статуса правовых норм также базируется на определенных началах, правилах и предположениях, осуществляется с помощью определенного инструментария¹. Такой инструментарий выступает основой юридической интерпретации, помогая минимизировать и преодолевать встречающиеся затруднения. Отсюда состоятельность и эффективность толкования и применения права основывается на ясном понимании используемых здесь начал и инструментов, а их системное осмысление составляет важную задачу правовой теории (догматики) и юридической доктрины².

Все это относится и к тем предположениям или презумпциям, которые используются в процессе толкования права. Так, например, для надлежащего истолкования правовых текстов, для выявления заложенной в них «воли» автора в доктрине используются различные презумпции. Здесь говорится о разумности законодателя, о непротиворечивости и законности деятельности законодателя; о том, что, принимая закон, законодатель не хотел абсурдных, несправедливых или аморальных следствий. Существует такое понятие, как «квалифицированное молчание законодателя», которое подразумевает полную и адекватную выраженность его воли в имеющихся текстах («законодатель

¹ См., напр.: *Васьковский Е. В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002; *Черданцев А. Ф.* Толкование закона и договора. М., 2003; *Малиновская Н. В.* Интерпретация в праве. М., 2011; Парадигмы юридической герменевтики / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2017; и др.

² Подробнее см., напр.: *Пермяков Ю. Е.* 1) Юриспруденция как строгая наука // Юриспруденция в поисках идентичности. Сб. статей, переводов, рефератов. Самара, 2010. С. 101–158; 2) Возможен ли спрос на теорию права: правовые суждения в контексте правовых коммуникаций // Право и государство. 2015. № 3 (68). С. 75–80; 3) Философские основания юриспруденции. Самара, 2006. С. 194 и др.; 4) Семиотическая защита правовых норм на пересечении стратегий индивидуального поведения // Проблема правосубъектности: современные интерпретации: Материалы научно-практической конференции. Самара, 2006. С. 3–8; *Михайлов А. М.* 1) Понятие и функции юридической догматики // Право и политика. 2014. № 3. С. 387–385; 2) Сравнительное правоведение: догма романо-германского права. Учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд. М., 2019. См. также: *Касаткин С.Н.* 1) Юриспруденция и словоупотребление. Догма права и проект юридизации языка // Проблема правосубъектности: современные интерпретации. Самара, 2009. С. 27–33; 2) Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридической догматики // Юриспруденция в поисках идентичности. Сб. статей, переводов, рефератов. Самара, 2010. С. 10–25; 3) От схоластики к догматике права: Курс «Проблем теории права и государства» как проект проблематизации, методологизации и юридизации языка // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: «Право». 2012. № 2. С. 3–18; и др.

что хотел сказать, то и сказал, и наоборот»)³. Сюда же относятся различные доктринальные положения, которые можно рассматривать как «правила умолчания»⁴: «Все, что не запрещено, разрешено» или, наоборот, «Разрешено только то, что предписано»; трактовки статуса правовой нормы, типа предположения о неизменности смысла нормы при неизменности ее текста; или же, допустим, более частные типы аргументов, например: «имеющий право на большее, имеет право на меньше», и т. д. Эти и другие интерпретативные презумпции требуют ясности в своем понимании и использовании.

2. Как можно определить интерпретативную юридическую презумпцию? Отталкиваясь от приведенных примеров, а также от общего понимания юридического толкования и юридических презумпций можно предложить следующее понимание интерпретативной юридической презумпции.

Как представляется, можно говорить об интерпретативной презумпции в двух смыслах. В *широком* смысле под интерпретативной юридической презумпцией следует понимать любые юридические предположения, используемые в правовом толковании. (В этом плане можно предварительно допустить, что любая юридическая презумпция может одновременно выступать и как презумпция интерпретативная). В *узком* смысле под интерпретативной юридической презумпцией следует понимать такие юридические предположения, которые касаются процесса правового толкования как такового. То есть речь идет о юридически предполагаемых характеристиках воли автора текста, ее надлежащего понимания, изменчивости, статуса толкуемого текста или нормы и

³ См., напр.: *Баранов В. М.* «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен: к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 75–78. — О связанных с этим презумпциях и началах определенности в праве см., напр.: *Власенко Н. А.* Категории «определенность» и «неопределенность» в исследовании современного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1. С. 8–17; *Петров А. А., Тихонравов Е. Ю.* Пробелы и коллизии в праве: учебное и научно-практическое пособие. М., 2017; *Касаткин С. Н.* «Открытая структура» юридического языка в концепции Герберта Л.А. Харта // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. С. 193–198; *Давыдова М. Л.* Определенность права и технико-юридические средства ее обеспечения // Legal Concept. 2017. Том 16. № 4. С. 23–28; *Дёмин А. В.* Принцип определенности налогообложения. М., 2015; *Поляков С. Б., Сидоренко А. И.* Значение принципа правовой определенности в постановлениях Европейского суда по правам человека // Адвокат. 2014. № 7. С. 5–10; *Никонов М. А.* Судейское усмотрение: уголовно-процессуальные аспекты. М., 2017; и др.

⁴ См.: *Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В., Гендерфорс П., Макинсон Д.* «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб., 2013. С. 140–161, 371–379 и др. — См. также: *Антонов М. В.* Теоретические альтернативы систематизации права (к логике нормативных систем) // Проблемы методологии и философии права : сборник статей Международного круглого стола. Самара, 2014; *Лобовиков В. О.* Проблема неполноты формально определенных систем норм позитивного права, первая теорема Гёделя о неполноте и юридические фикции как важный компонент юридической техники // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 2. С. 53–57.

т. п. Узкий смысл понятия является здесь наиболее важным для прояснения. При этом, следует подчеркнуть, что, судя по всему, граница между интерпретативными презумпциями в широком и в узком смысле не является строгой.

3. Как соотносится понимание интерпретативной презумпции с общим пониманием юридической презумпции? Следует отметить, что традиционная трактовка юридической презумпции в теории права⁵ недостаточна для объяснения интерпретативной презумпции. Речь здесь идет как минимум о двух моментах.

Во-первых, традиционно юридическая презумпция — это предположение о факте как обстоятельстве, порождающем возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Однако интерпретативные презумпции (пони-маемые в узком смысле) зачастую выступают утверждениями о праве или о правовой норме, ее содержании, статусе и т. п., т. е. носят нефактуальный характер.

В этом плане они скорее являются предположениями о норме, т. е. нормативными презумпциями, как, например, презумпция конституционности закона. Так, исходя из Конституции РФ (ст. 125) и правовых позиций Конституционного суда РФ, федеральный закон будет считаться конституционным, если иное не установлено вступившим в силу решением Конституционного суда РФ⁶.

Во-вторых, традиционно юридическая презумпция понимается как вероятностное суждение о факте, основанное на предыдущем опыте. Однако, рассмотренные примеры интерпретативных презумпций, как полагаем, строятся скорее на определенных правовых установках и ценностях, нежели на вероятностном рассуждении.

В этом плане интерпретативные презумпции схожи, например, с презумпцией невиновности. Так, согласно ч. 1. ст. 49 Конституции РФ, лицо считается невиновным, пока его вина не будет доказана вступившим в силу приговором суда. Такая презумпция с очевидностью противоречит статистике приговоров в Российской Федерации (как известно, более 90 % приговоров носят обвинительный характер). Она исходит из конституционной ценности прав и свобод личности, провозглашенной в Конституции РФ, и создает дополнительные гарантии для этих прав и свобод в рамках уголовного судопроизводства.

То же можно сказать и в отношении, допустим, презумпции разумности законодателя, предполагающей ее определенное ценностное восприятие (а не вероятностный анализ). То же верно и в отношении правил «все, что не запрещено, разрешено» или «разрешено только то, что прямо предписано». Таковые исходят соответственно из признания свободы человека высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ) и из идеи юридического ограничения деятельности государства.

4. В заключении обратим внимание на некоторые проблемы формализации и применения интерпретативных презумпций.

⁵ См., напр.: *Бабеев В. К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974; *Давыдова М. Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009. С. 222–286; и др.

⁶ Конституция Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

Как полагаем, важность интерпретативных презумпций в толковании права, в юридической деятельности в целом, предполагает ясность и определенность в их понимании и использовании. Отсюда представляется необходимым их прояснение и формализация в российском праве. Это может быть как закрепление базовых интерпретативных презумпций в законодательстве или в судебной практике, так и их целостное, системное оформление в юридической доктрине и догме права.

Решение подобной задачи позволило бы сделать более определенной существующую юридическую практику, обеспечить ее единообразие и тем самым соблюдение конституционных принципов верховенства права и равенства всех перед законом и судом. (В отсутствии их четкой формализации, особенно в официальных текстах, возможности их использования зачастую сводятся к решениям официальных инстанций, в противовес аргументации «рядовых» пользователей права).

Так, например, закрепление презумпции «разрешено только то, что предписано» в отношении органов власти позволило бы более четко определять круг полномочий государственных органов. Иначе говоря, если какие-либо полномочия четко не прописаны в тексте Конституции, закона и т. п., это будет означать, что таких полномочий у органа государственной власти нет. И наоборот, закрепление презумпции «все, что не запрещено, разрешено» в отношении граждан, не только позволит яснее определять их права и свободы в ситуации молчания закона, но и создаст дополнительную гарантию их защиты.

При всей важности, формализация интерпретативных презумпций — непростая задача. Среди прочего она предполагает прояснение целого ряда проблемных аспектов, связанных с использованием таких презумпций.

Приведем два примера.

Один из примеров связан с часто обсуждаемым в литературе по философии права делом, рассмотренным американским судом в конце XIX века: делом «Риггс против Палмера». По его фабуле, для получения наследства внук, Элмер, убивает своего деда. Затем он отбывает наказание за убийство и после освобождения заявляет свои права на наследственное имущество. Специальной нормы, запрещающей получение наследства, в национальном законодательстве того времени не было. В этом плане суд столкнулся с проблемой того, какое решение здесь следует принять⁷.

⁷ См.: Дворкин Р. 1) О правах всерьез. М., 2004. С. 46 и др.; 2) Империя права // Правоведение. 2013. № 3. С. 208 и др. — Подробнее см. также: Касаткин С. Н. 1) «Постскриптум» к «Понятию права» Герберта Л. А. Харта // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 753–785; 2) Проблема судейского усмотрения в полемике Харта и Дворкина: линии аргументации и методологические истоки спора // Правоведение. 2012. № 4. С. 10–33. № 3. С. 11–34; 3) Проблема нормативных оснований судебного решения: концепция правовой неопределенности Г. Харта и ее критики // Антропология права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): статті учасників VIII Міжнародного «круглого столу». Львів, 2013. С. 220–240; 4) In Memoriam. Рональд Дворкин, философ права (1931-2013): очерк биографии и творчества // Правоведение. 2013. № 3. С. 169–194.

В свете избранной темы можно говорить о возможности различных решений данного дела в зависимости от принятых за основу интерпретативных презумпций. Так, если придерживаться идеи о «квалифицированном молчании законодателя», то отсутствие юридического запрета на получение убийцей наследства, означает права Элмера на имущество. То есть, если бы законодатель хотел запретить получение наследства в этом случае, он бы это сделал. Раз запрет отсутствует, в этом и заключается воля законодателя. С другой стороны, если применить, например, презумпцию разумности воли законодателя, презумпцию того, что законодатель не хотел абсурдных, несправедливых или аморальных следствий, то решение должно быть обратным. Иначе говоря, исход дела здесь напрямую зависит от базовых интерпретативных презумпций и от их доктринального выбора (на уровне правовой системы, юрисдикции и т. п.).

Другой пример (или даже группа примеров) касается правил, согласно которым «все, что не запрещено, разрешено» и «разрешено только то, что предписано». Такие правила относительно понятны в своем применении соответственно к гражданам или к органам публичной власти, однако и их применение в ряде ситуаций может вызывать сложности.

Так, ч. 2 ст. 81 Конституции РФ указывает, что «Президентом Российской Федерации может быть избран гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации не менее 10 лет». Вопрос: можно ли считать данный перечень требований к кандидату открытым или закрытым? Какой принцип должен применяться в отношении требований к кандидату в Президенты РФ? Рассматривать ли здесь кандидата в связи с его статусом гражданина РФ или в связи с тем, что это кандидат на занятие государственной должности?

Или другой пример. По смыслу ст. 135 Конституции РФ принятие новой Конституции России осуществляется через процедуру пересмотра прежней Конституции. Текст новой Конституции разрабатывается особым органом, Конституционным собранием РФ, и принимается либо им самим, либо на всенародном референдуме. Иные положения о принятии новой Конституции РФ в тексте нынешней Конституции отсутствуют. Отсюда вопрос: возможны ли иные процедуры принятия новой Конституции России (тем более в свете отсутствия закона о Конституционном собрании)? Следует ли здесь применять принцип «разрешено только то, что предписано», поскольку здесь имеет место публичная процедура, или же, например, можно допустить применение принципа «все, что не запрещено, разрешено» и, со ссылкой на статью 3 Конституции РФ о суверенитете народа, утверждать о его праве принять Конституцию в рамках общей процедуры референдума?

Решение этих и других проблемных вопросов показывает значимость четкой формализации используемых интерпретативных юридических презумпций, их содержания, границ применения, соотношения друг с другом и т. п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В., Гендерфорс П., Макинсон Д. «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. Санкт-Петербург, 2013.

2. Антонов М. В. Теоретические альтернативы систематизации права (к логике нормативных систем) // Проблемы методологии и философии права: Сборник статей Международного круглого стола. Самара, 2014. С. 47–56.

3. Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.

4. Баранов В. М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен: к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 75–78.

5. Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. Москва, 2002.

6. Власенко Н. А. Категории «определенность» и «неопределенность» в исследовании современного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1. С. 8–17.

7. Давыдова М. Л. Определенность права и технико-юридические средства ее обеспечения // Legal Concept. 2017. Том 16. № 4. С. 23–28.

8. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009.

9. Дворкин Р. Империя права // Правоведение. 2013. № 3. С. 196–228.

10. Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004.

11. Дёмин А. В. Принцип определенности налогообложения. Москва, 2015.

12. Касаткин С. Н. «Открытая структура» юридического языка в концепции Герберта Л. А. Харта // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. С. 193–198.

13. Касаткин С. Н. «Постскрипtum» к «Понятию права» Герберта Л. А. Харта // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 753–785.

14. Касаткин С. Н. In Memoriam. Рональд Дворкин, философ права (1931–2013): очерк биографии и творчества // Правоведение. 2013. № 3. С. 169–194.

15. Касаткин С. Н. От схоластики к догматике права: Курс «Проблем теории права и государства» как проект проблематизации, методологизации и юридизации языка // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 2. С. 3–18.

16. Касаткин С. Н. Проблема нормативных оснований судебного решения: концепция правовой неопределенности Г. Харта и ее критики // Антропология права: философский та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): статті учасників VIII Міжнародного «круглого столу». Львів, 2013. С. 220–240.

17. Касаткин С. Н. Проблема судейского усмотрения в полемике Харта и Дворкина: линии аргументации и методологические истоки спора // Правоведение. 2012. № 4. С. 10–33. № 3. С. 11–34.

18. Касаткин С. Н. Юриспруденция и словоупотребление. Догма права и проект юридизации языка // Проблема правосубъектности: современные интерпретации. Самара, 2009. С. 27–33.

19. Касаткин С. Н. Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридической догматики // Юриспруденция в поисках идентичности. Сб. статей, переводов, рефератов. Самара, 2010. С. 10–25.

20. Конституция Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

21. Лобовиков В. О. Проблема неполноты формально определенных систем норм позитивного права, первая теорема Гёделя о неполноте и юридические фикции как важный компонент юридической техники // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 2. С. 53–57.

22. Малиновская Н. В. Интерпретация в праве. Москва, 2011.

23. Михайлов А. М. Понятие и функции юридической догматики // Право и политика. 2014. № 3. С. 387–385.

24. Михайлов А. М. Сравнительное правоведение: догма романо-германского права. Учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд. Москва, 2019.
25. Никонов М. А. Судейское усмотрение: уголовно-процессуальные аспекты. Москва, 2017.
26. Парадигмы юридической герменевтики / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург, 2017.
27. Пермяков Ю. Е. Возможен ли спрос на теорию права: правовые суждения в контексте правовых коммуникаций // Право и государство. 2015. № 3 (68). С. 75–80.
28. Пермяков Ю. Е. Семiotическая защита правовых норм на пересечении стратегий индивидуального поведения // Проблема правосубъектности: современные интерпретации : Материалы научно-практической конференции. Самара, 2006. С. 3–8.
29. Пермяков Ю. Е. Философские основания юриспруденции. Самара, 2006.
30. Пермяков Ю. Е. Юриспруденция как строгая наука // Юриспруденция в поисках идентичности. Сб. статей, переводов, рефератов. Самара, 2010. С. 101–158.
31. Петров А. А., Тихонравов Е. Ю. Пробелы и коллизии в праве: учебное и научно-практическое пособие. Москва, 2017.
32. Поляков С. Б., Сидоренко А. И. Значение принципа правовой определенности в постановлениях Европейского суда по правам человека // Адвокат, 2014. № 7. С. 5–10.
33. Черданцев А. Ф. Толкование закона и договора. Москва, 2003.

INTERPRETATIVE PRESUMPTIONS

S. Kasatkin. S. Ilyina

The paper introduces an idea of interpretative legal presumptions, and discusses their concept, peculiarities, significance, and problems concerning their fixation in modern Russian law. An interpretative legal presumption in a broad sense is suggested to be understood as any legal presumption used in legal interpretation, in a narrow sense – as a legal presumption related to a process of legal interpretation as such. The paper emphasizes specificity of interpretative presumption (in a narrow sense): in comparison with traditional legal presumptions, it is a judgment about a norm (and not about a fact) and is not probabilistic in character. The result of the paper is a conclusion concerning importance of formalization of interpretive presumptions for a more effective solution of problematic issues of legal regulation and law-enforcement.

Key words: legal presumption, interpretative presumption, legal interpretation, legal doctrine.